

Николай Добролюбов

**Очерк исторического
исследования о
царе Борисе...**

Николай Александрович Добролюбов

Очерк исторического исследования о царе Борисе Годунове... Дмитрий Самозванец

«...способ мышления и исторические приемы г. Полозова отличаются новостью и оригинальностью. До сих пор исследователи обыкновенно брали предмет в том виде и положении, до какого доведен он последними изысканиями; опровержения их обыкновенно обращались на последние выводы, добытые наукою. Г-н Полозов поступает иначе. Он берет одного Карамзина и знать не хочет ничего, что после него было писано о Борисе Годунове...»

**Николай Александрович
Добролюбов
Очерк исторического
исследования о царе Борисе
Годунове... Дмитрий
Самозванец**

*Очерк исторического исследования о
царе Борисе Годунове. Писал Николай
Полозов. Москва, 1858.*

*Дмитрий Самозванец. Драма. Соч. Н.
Полозова. Москва, 1858*

Бывают очерки нравов, очерки различных явлений жизни, исторических событий и т. п. Но до сих пор еще не бывало у нас очерков исторических исследований. Ныне г. Полозов дарит нам такой очерк. Чье же это исследование очертил г. Полозов? Свое собственное. Зачем же он был столько недобр, что не дал нам самого исследования, а издал только очерк его? Может быть, само исследование готовится еще впереди? О, храни боже от подобной напасти всякую душу православную!..

Главная мысль, выраженная в «Очерке исследования» г. Полозова, состоит в том, что Борис Годунов, мудрый, великодушный, благочестивый правитель, добродетельный отец семейства, великий, гениальный государственный человек, оклеветан летописцами, действовавшими так «из зависти к его уму, силе и величию» («Очерк», стр. 17). Побуждения к написанию книжки изложены в конце «Очерка» в следующих словах: «Когда я бываю в Троице-Сергиевом монастыре, то всегда поклоняюсь, с невыразимым чувством глубокого прискорбия, полуразрушенной, сиротеющей и как бы отверженной гробнице Годуно-

вых!.. Мне слышится из глубины ее тихий вопль этого злополучного и добродетельного семейства, тщетно, в продолжение 260 лет (зачем же 260? Годунов умер в 1605 году), просящий, как милостыни, правосудия у потомства!.. Мне как-то неловко и совестно оставаться долго перед этою красноречивою могилою, как перед заимодавцем, которому я не в состоянии уплатить долг мой!.. Чувство тягостное... и я решился выразить его во всеуслышание...» (стр. 97–98).

Все точки и знаки восклицания в выписанном нами месте принадлежат самому автору. Они достаточно свидетельствуют о той степени усердия, какую произвел в нем «тихий вопль, раздавшийся из красноречивой могилы злополучного и добродетельного семейства».

Великость усердия автора к мысли, внушенной ему «тихим воплем», выразилась особенно в неумоимости *списыванья*. Неумоимость эта поистине изумительна была бы даже в самом ученом исследовании; тем более поражает она в «Очерке» исследования. Почти *сорок* страниц (из 100) занято в очерке

сплошную выпискою из «Сказаний современников о Димитрии Самозванце», изданных г. Устряловым.^{1} Мало того – вслед за выпискою опять следует пересказ того, что в ней содержится, то есть опять то же самое переписывается, только уже не сплошь, а по клочкам. О мелких выписках из Карамзина (которого г. Полозов, с необычайною ядовитостью, именует постоянно *летописцами*) нечего упоминать. Но страсть к переписыванию до того обуяла г. Полозова, что он, переписавши из своего исторического исследования некоторые части для составления из них *очерка* исследования, не удовольствовался тем и переписал еще страниц 20 из «Очерка» в предисловие к драме своей!.. У г. Полозова должны быть удивительно развиты канцелярские способности – к переписке бумаг и к сочинению экстрактов: этим только и можем мы объяснить одновременное появление в двух разных книжках одних и тех же выписок, сделанных им из его «исторического исследования», которое пока скрывается еще в неизвестности, но «Очерк» которого уже предвещает нашествие на русскую литературу ново-

го мыслителя и историка.

А в самом деле – способ мышления и исторические приемы г. Полозова отличаются новостью и оригинальностью. До сих пор исследователи обыкновенно брали предмет в том виде и положении, до какого доведен он последними изысканиями; опровержения их обыкновенно обращались на последние выводы, добытые наукою. Г-н Полозов поступает иначе. Он берет одного Карамзина и знать не хочет ничего, что после него было писано о Борисе Годунове. Он не говорит ни слова ни об исследовании г. Павлова,^{2} ни о мнениях, выраженных в истории г. Соловьева;^{3} он даже не упоминает о своем предшественнике на поприще воспевания Годунова, – об авторе статьи «Борис Годунов» в «Энциклопедическом лексиконе».^{4}

Следствием этого приема – не знать того, что писано о предмете исследования в последние 35 лет, – является у автора необычайный азарт в опровержении летописных известий, подобных тому, что Годунов нарочно произвел голод, чтобы выказать народу свою благотворительность, что за грехи Годунова

являлось на небе по три луны и по три солнца, что он подменил сына своей сестры дочерью, а потом отравил эту дочь и т. п. На опровержение таких клевет потрачено г. Полозовым много усердия и даже посильного остроумия.

В подтверждение своих соображений г. Полозов ссылается только «на авторитет г. Устрялова как мыслителя глубокого и исполненного эрудиции», который, издавая «Сказания современников», «находил, что обвинение Годунова в убиении Димитрия не имеет никакого здравого основания». Но и тут г. Полозов промахнулся: «глубокий и исполненный эрудиции мыслитель» после «Сказаний» издал учебник русской истории, в котором говорит (и все учащиеся русской истории в школах заучивают это наизусть), что, вероятно, Борис Годунов заслужил проклятия потомства, так как смерть Димитрия нужна была только ему...{5} Неужели г. Полозов и учебника Устрялова не знает? По каким же книжкам учился он русской истории? Или он учился еще в то время, когда и Устрялова не было, когда и Карамзин был еще новостью,

когда «Ядро» Хилкова и «Опыт» Елагина{6} были в чести? Кажется, что так.

О том, до какой степени странны особенности мыслительных способностей г. Полозова, можно судить по следующим примерам. Он находит, что в истории нужно прилагать «практические правила правосудия» вот каким образом. Не имея собственного сознания и прямых улик против Годунова, надо покончить дело на основании «мудрого русского уголовного закона: лучше простить десять виновных, нежели наказать одного невинного» (стр. 77). При сем удобном случае г. Полозов разгорячается и сочиняет следующую тираду:

При этом великом воспоминании невольно вырывается из души долг (вырывается долг!) глубочайшего благоговения к августейшим монархам, законодателям России! (восклициание в подлиннике) которые, постигая христианским сердцем свойства и потребности человечества, не опасались не только что изречь этот бессмертный закон, но еще и подкрепить его божественными словами: «Судья должен быть более милостивым, нежели

жестоким, помня, что он и сам человек». А наконец, уничтожением позора человечества: пытки и смертной казни!.. (орфография подлинника) с освобождением некоторых сословий, даже и от всякого телесного наказания (бесмыслица в подлиннике). Все эти бессмертные подвиги добра произвели достойный себя плод. Нравы смягчились, чувство долга и чести просветлело. Каждый поспешил стать в уровень – с дарованным ему значением, и пр. и пр.

И пошел, и пошел... на три страницы. Какое отношение имеет это к Борису Годунову, и сам автор, верно, не объяснит... Так уж – долг у него из души вырвался!..

Далее г. Полозов утверждает, что не следует обвинять Годунова после его смерти, потому что «это отвергается мудрым изречением древних: *de mortuis aut bene, aut nihil*»[1] (стр. 80).

Но оригинальнейшую особенность логики г. Полозова представляет его заключение о том, что Годунова нельзя обвинять потому, что о невинности его составлен «правильный государственный акт, утвержденный самим

царем Феодором»... Вы не ожидали такой оригинальной выходки от автора «Очерка исторического исследования»? Вы, может, не верите? Вот вам подлинные слова г. Полозова, даже с его орфографией (стр. 84):

Что касается до определения действительной причины смерти Димитрия, то об этом существует правильный государственный акт, основанный на исследовании этого события верховною следственною комиссиею и утвержденный самим братом Димитрия, богобоязненным царем Феодором. Акт этот никем и ничем фактически (то есть как же фактически? Новым допросом всех лиц, участвовавших в деле и соприкосновенных к нему? Но в настоящее время уже не совсем удобно отбирать от них новые показания) не опровергается, но сохраняет полный свой исторический авторитет донныне. А потому, всякие несообразные с ним догадки и предположения необходимо принадлежат (?) к области неосновательных, произвольных и пристрастных толкований, получивших свое начало под влиянием духа партий, свое-

корыстных видов и безотчетных усилий – безусловных приверженцев рутины, стремившихся губить все то, что становилось выше уровня их тогдашнего, одностороннего и темного понимания главнейших оснований государственной, общественной и семейной жизни.

Что прикажете возражать подобному исследователю? Он забрал себе в голову «правильный государственный акт» и больше ничего знать не хочет. Это напомнило нам следующий анекдот. Приходит в суд старуха с просьбой такого содержания: «Дочь мою Федору в книгах по ошибке написали Федором, да теперь с нее, как с мальчика, податей требуют; сделайте божескую милость, прикажите избавить». Суд учинил справку, посмотрел в книги, нашел, что в книгах стоит Федор, а не Федора, и решил: в просьбе старухе отказать... В книгах написано Федор, так уж так тому и быть.

Драма г. Полозова вполне достойна своего автора. Мысль ее та же, что и в «Очерке»: Борис есть великий и непорочный человек, а

Лжедмитрий – преступный пройдоха, подставленный иезуитами. Мысль эта развивается в пяти действиях, в прозе и в стихах. Вот какова проза (стр. 72–73):

САМОЗВАНЕЦ (Марине)... и если вы мне позволите считать вас, хотя покамест, только моим ангелом хранителем, то дело мое уже вполовину выиграно! А без вас, я не имею цели для жизни! Как пловец, заброшенный бурю на середину... и оставленный там, во мраке ночи, – без кормила и звезды путеводной!..

МАРИНА (с принужденным смущением и с орфографией г. Полозова). Я не могу на это отвечать вам – иначе, как чрез моего отца, – который, сколько я могла заметить, – уважает вас, и верно не откажет ни в чем таком, что только может послужить к пользе вашего дела. А если он так расположен к вам теперь, то чего для вас не сделает он, да и всякий, тогда, когда вы будете царем!

Лица эти, кажется, сильно стараются подражать – один – развязному красноречию

Павла Ивановича Чичикова, другая – деликатности дамы приятной во всех отношениях...

Для стихов, как для логики и исторических приемов, г. Полонов придумал свой особенный способ. Сущность и достоинства его ясны будут читателю из примера. Вот отрывок предсмертного монолога Бориса – подражание пушкинскому: «Шестой уж год я царствую спокойно».

*Но горе, горе вам! О, братья лю-
ди!..
Чем заплатили вы за кровные
Труды и жертвы – мне?.. Зависть
и корысть
Чего – не вымышляли на меня?..
Умрет ли кто из недругов моих:
Годунов извел его! – пожар боль-
шой
Случился... Годунов поджег его,
Чтоб после погоревшим помо-
гать,
И тем выказать участие к наро-
ду!..
Как будто я не в силах был ка-
рать —
Явно, кого хотел, и как будто бы*

*Когда-нибудь я затруднялся в по-
водах
Для пособия нуждавшимся! Но
толь еще?..*

Но толь еще? Не довольствуясь тем, что Годунов *поджег пожар*, что *долг вырвался из души*, и тому подобными диковинками, г. Полозов сумел еще изобрести вот какую штуку. На обертке каждой из его сереньких, неопрятных и безграмотных книжечек напечатано: «Цена 1 рубль 50 коп. серебром. На пересылку прилагается 50 коп.». Вот уж именно сам от себя умел противоядие найти для читателей: наверное, объявление, напечатанное на обертке, предохранит публику от наслаждения книжками г. Полозова.

Сноски

1

О мертвых или хорошее, или ничего (*лат.*). –
Ред.

[^^^]

[^^^]

Комментарии

1

Имеется в виду издание: «Сказания современников о Димитрии Самозванце», 5 частей, СПб., 1831–1834 (2-е изд. – в 1858–1859 годах).

[^^^]

2

Книга профессора Петербургского университета П. В. Павлова «Об историческом значении царствования Бориса Годунова» вышла в 1850 году.

[^^^]

3

«История России с древнейших времен» С. М. Соловьева; первое издание ее начало выходить в 1851 году.

[^^^]

4

Статья о Борисе Годунове для «Энциклопедического лексикона» А. А. Плюшара первоначально была написана А. А. Краевским, но она не была принята редакцией словаря и затем выпущена отдельной брошюрой – «Царь Борис Феодорович Годунов» (СПб., 1836; об этом см.: Белинский, VII, стр. 721). Добролюбов говорит, несомненно, об этой работе Краевского, так как в «Энциклопедическом лексиконе» (т. XIV, стр. 330–338) дана статья Ф. Н. Менцова, в которой царствование и личность Бориса Годунова освещаются резко отрицательно.

[^^^]

5

Учебники русской истории Н. Г. Устрялова: «Начертание русской истории для учебных заведений» (СПб., 1839; в 1854 году вышло 10-е издание) и «Руководство к первоначальному обучению русской истории» (СПб., 1849; к 1859 году вышло 11 изданий).

[^^^]

6

Книга «Ядро российской истории» написана около 1715 года, но издана лишь в 1770 году историком Г. Ф. Миллером (автором ее ошибочно считался князь А. Я. Хилков, в действительности автором был секретарь Хилкова – А. И. Манкиев); книга И. П. Елагина – «Опыт повествования о России» (СПб., 1803).

[^^^]

[^^^]